

The book cover features a vibrant, stylized illustration of a jungle. In the upper left, a blue and orange bird perches on a branch with orange fruit. To its right, a monkey is visible among the leaves. In the lower half, a lioness and a tiger are depicted, both with striking yellow eyes. The background is a dense thicket of green foliage. A circular orange badge in the top right corner contains text. The author's name is written in white serif font in the upper middle. The title is rendered in large, bold, orange block letters across the center.

Гонимовская
премия
за дебютный
роман

Эв Герра

РЕПАТРИАЦИЯ

Эв Герра

Репатриация

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74066912

Репатриация:

ISBN 978-5-89059-595-9

Аннотация

Аннабелла Морелли, родившаяся в Конго, живет в Лионе, учится в университете и мечтает стать поэтессой. Когда приходит весть о смерти отца, гражданина Франции, уехавшего на заработки в Африку и оставшегося там навсегда, она решает перевезти его тело – и сталкивается с бюрократией, коррупцией и тяжелым семейным наследием (ее мать, чернокожая женщина, была вынуждена оставить маленькую дочь и бежать от домашнего насилия). Переплетая автобиографическое и вымышленное, Герра создает повествование о проживании утраты и взрослении: героиня перемещается между Францией, где она была счастлива в детстве, и Африкой, которая хранит в себе горечь воспоминаний.

Книга полна отсылок к произведениям Альбера Камю, Пьера Мишона, Сэмюэла Беккета и Антониу Лобу Антунеша.

Роман отмечен Гонкуровской премией за дебют (2024).

Содержание

1	10
2	25
3	30
4	43
5	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Эв Герра

Репатриация

В оформлении обложки использована картина Анри Руссо «Мечта» (*Le Rêve*, 1910)

© Éditions Grasset & Fasquelle, 2024

© В. А. Фридман, перевод, 2026

© Клим Гречка, оформление обложки, 2026

© Издательство Ивана Лимбаха, 2026

* * *

Издано при поддержке Программы содействия издательскому делу Французского института

Cet ouvrage a bénéficié du soutien du Programme d'aide à la publication de l'Institut français

Ève Guerra

RAPATRIEMENT

Roman

Éditions Grasset & Fasquelle

Paris

2024

Эв Герра

РЕПАТРИАЦИЯ

Роман

Перевод с французского
Валерии Фридман

Издательство Ивана Лимбаха
Санкт-Петербург
2026

Все есть реальность и метафора.
Кристина Кампо

Несчастный! О, не узнавай, кто ты!
Софокл. Царь Эдип¹

*Я сорвал этот вереск лиловый,
Осень кончилась, значит – в путь.
На земле нам не встретиться снова...
Запах времени, вереск лиловый,
Но я ждду тебя. Не забудь.*
Аполлинер. Прощание²

Посвящается моему отцу Люку Герра

¹ Пер. с др.-греч. С. Шервинского. Здесь и далее примечания переводчика.

² Пер. с фр. Э. Линецкой.

1

Он умер в тот день, когда в панорамное окна лился яркий свет из сада. Стоял солнечный день – и вот мои руки бесконтрольно перелистывают страницы словарей, покидают одну комнату, оказываются в другой, в зале на втором этаже, где проводят выпускные школьные экзамены, и в секторе гуманитарных наук. Мои руки проплывают над лестницей, над рядами стульев, несут один, два, три, четыре тома, я толкаю спиной двери, они хлопают, потом с похожим звуком падают на стол книги в твердых переплетах. Он умер, когда сломался карандаш, который не справился с магией слов, – я это помню.

Я прочла электронное письмо и покинула зал, спустилась по лестнице и направилась к выходу,

– Мадемуазель?

открыла распашные двери, двери в холодную синеву,

– Желаете ее взять?

в город сумок, рюкзаков,

– Желаете взять эту книгу?

которые бегут, втискиваются в трамвай.

Я оставила книгу и прошла по заваленной окурками лестнице из трех ступеней, по «зебре», по улице от Библиотеки Дени Дидро до входа в телефонный переговорный пункт,

– Можно отсюда позвонить, можно позвонить?

– Да, да, третья кабина.

протерла телефонную трубку, набрала номер,

«Анна,

повесила трубку,

и теперь следила за собственными ногами, они лавировали между автомобилями, одна машина затормозила, *твой отец умер*».

– Красный свет, черт, красный же! Не видишь, что идешь на красный?

затормозила в двадцати сантиметрах от меня, я смотрела под ноги на асфальт.

– Вот больная!

Апрель сменялся маем на широком проспекте с библиотекой и с трамваем, идущим к университету. Апрель сменялся маем, когда я, почти повесив трубку, услышала, как мои тетя и дядя настойчиво просили меня зарядить телефон и поскорее перезвонить. Апрель сменялся маем в переполненном вагоне метро, на линии Б, и у банкомата, рядом с которым я достала свою карточку.

ЛИМИТ снятия наличных – 20 евро

Я вытянула банкноту в десять евро. Наблюдавшему за мной бродяге сделала знак, мол, все будет хорошо, и ухватила за дверную ручку бара на площади Жан-Масе. Находясь снаружи, клиентов в нем было не разглядеть – угадывались только силуэты, а еще очертания серого кассового аппарата.

Я подала банкноту, взяла чек, попросила разрешения немного зарядить аккумулятор мобильного.

– Эта?

– Нет, в глубине зала, эта не работает.

Подключив телефон к розетке возле столов, пропахнувших пивом, вином и горькой настойкой, я смотрела на улицу и на свои руки, на клочок бумаги, на город через затемненные стекла; я смотрела на свои дрожащие руки,

12 сообщений

шагая вдоль трамвайных путей, по улочке рядом с набережной, на которой стоит университет, вдоль других трамвайных путей – маршрута Т2; вот и Рона с покачивающимися на ней баржами, с лионской публикой и вечерними гуляньями, на газонах толпятся студенты с банками пива в руках и сигаретами в зубах. Я прошла по зеленому мосту

по набережной Гайтон

мимо магазинов с чистыми стеклами

прошла через Сону

по красному мосту

мимо церкви Сен-Жорж

оказалась на брусчатке площади Сен-Жан: вход в собор, тяжелая деревянная дверь, выкрашенная в красный цвет, ряды стульев, склонившаяся над младенцем Иисусом Мадонна, перед ней – алтарь, свечи на нем затухают, стоит хлопнуть дверью.

– Я убила своего отца, – сказала я собиравшему огарки

старику, который силился напрячь слух.

– Простите?

– Думаю, я убила своего отца.

– Простите, не слышу я, не слышу. Сейчас здесь никого нет, чтобы вам помочь. Приходите в другой раз пораньше.

Он порылся в карманах.

– Не слышу, мадемуазель, мне жаль, очень жаль, но я не слышу. Я забыл слуховой аппарат. Вы в порядке? Придите завтра. Завтра в одиннадцать часов тут кто-нибудь будет. Или... если можете, поднимитесь в Фурвьер³. Воспользуйтесь фуникулером, тут совсем рядом.

Старик потер себе пальцами лоб, будто пытаясь что-то придумать, потом взял меня под руку и повел к большим дверям, вон из церкви.

– Там, по левую сторону от площади, видите? Вы видите? Там внизу метро и рядом фуникулер.

Он наклонился и внимательно взглянул в мои затуманенные глаза, теперь держа меня за локоть обеими руками.

– Точно все в порядке, детка? В Фурвьере кто-нибудь есть, я уверен. Отправляйтесь туда сейчас. Если прямо сейчас, то кого-нибудь да найдете.

Мимо церкви проезжал велосипед. На ватных ногах я спустилась по ступеням на брусчатку площади Сен-Жан, неслу-

³ Базилика Нотр-Дам де Фурвьер, расположенная на возвышающемся над Лионом холме Фурвьер.

шающимися руками взяла телефон и ввела номер предоплаченной карточки мобильной связи⁴.

– До тебя не дозвониться. Вот уже два дня, Анна. Пони-
маешь? До тебя не дозвониться.

И слова сменились другими, которые я не услышала, как
только что не слышала, не замечала ничего вокруг: ни золо-
тую, подернутую дымкой фи-гуру Пресвятой Девы на Нотр-
Дам де Фурвьер, ни кольцевую развязку рядом с садом, ни
разрытую землю, ни вой сирены, который

– Твой отец умер...

пробирает до костей,

– И мы не сможем...

этот вой сирены...

– Алло? Не слышу, мне ничего не слышно. Алло? Что не
сможем?

– Тело! Вероятно, мы не сможем репатриировать тело тво-
его отца.

Вокруг площади Сен-Жан неспешно бродили многочис-
ленные туристы. Вечерело, сгущались сумерки. У входов в
бары толпился народ, рассаживался, откидываясь на спинки
стульев; в моем рухнувшем на сиденье теле

– Я сплю, мне это снится.

все кричит, а я не нахожу слов, в голове не укладывается,

⁴ Карта оператора связи, имеющая определенный лимит денежных средств, ко-
торый можно использовать для звонков, sms и выхода в интернет.

что на другом конце света умер мой отец и, возможно, я никогда его не увижу.

Я убила своего отца.

Мне улыбается какая-то прохожая. В телефонной трубке голос дяди, и орет он так же, как мой отец:

– Всё очень серьезно, Анна. Ты должна приехать. Должна приехать сюда. Должна приехать немедленно.

– Но как он умер? И почему, почему нельзя забрать тело, и почему, почему мне не говорят, от чего умер мой папа?

– Найди попутчиков с автомобилем или отправляйся поездом, но приезжай. И поскорее.

Я нажала кнопку «завершить вызов».

Как мне поехать, и главное – когда? А ведь сейчас каждая минута, каждая секунда на счету. Обратиться за помощью к родственникам? Но к кому? К тете с дядей, которые удивятся, что у меня и пятидесяти евро нет? Невозможно. Да и как рассказать о своей нынешней жизни?

Я покинула площадь Сен-Жан, или она сама меня прогнала. Она вытолкала со своей брусчатки мое тело с будто содранной заживо кожей, вытолкала его на проспект Адольф-Макс. Пока я соображала, куда идти и как пробраться сквозь поток съезжающих с моста машин и велосипедов, зазвонил телефон.

– Анна, Аннабелла...

Это был Стив, друг по французскому лицую в Дуале⁵. Здесь, на проспекте, его голос смешивался со всеми прочими и, казалось, принадлежал незнакомцу, его голос, как и вой удаляющейся сирены, звучал словно где-то не здесь.

Стив мне что-то говорил, и я отвечала очень-очень быстро, будто боялась случайно попросить необходимые мне деньги, не меньше пятидесяти евро, боялась рассказать, что мне нужно выбрать поезд, добраться через Бордо или Ангулем до Руайана. А там меня встретят, за мной приедут тетя с дядей.

Я предпочла прервать разговор.

В восемь часов стемнело, и Сона стала мрачной. Наступившая ночь сделала все свинцовым: воду в русле реки и фасады домов, воду в русле реки и уличный гул, где больше не различались звуки машин, ночь обернулась водой: еще чуть-чуть – и все утечет, во всяком случае, будет упущен завтрашний день, если я не найду решение прямо сейчас или через мгновение, что спасет потерянные минуты, – то самое мгновение, которое сейчас ускользает из моих рук.

Я пролиставала список контактов. Набрать кого-нибудь из школьных друзей? Нет. Бывшего любовника, не важно, кого именно, первого попавшегося, который помнил бы меня, а я его? Нет. Перезвонить Стиву? Нет. Перезвонить моему дяде

⁵ Дуала – крупнейший город Камеруна, его экономический центр.

Антони?

Стоило мне сунуть обратно в карман телефон, как он завибрировал.

Пришло сообщение от Габриэля, который вот уже два часа меня дожидался. Я о нем забыла.

Этим утром я улыбнулась и обняла его, сомкнув руки у него за спиной; я тянулась к его губам, которые были слишком высоко и старались не встретиться с моими, – Габриэль не хотел даже смотреть на меня, не то что целовать. Он говорил серьезным тоном,

– Аннабелла, я хочу с тобой кое-что обсудить.

пока я посмеивалась,

– Хорошо, любовь моя, мы поговорим, о чем хочешь, но сначала...

– Надо поговорить.

– ...поцелуй меня. Ну что ты дуешься? Поцелуй же меня... Сегодня вечером я уйду из библиотеки ровно в шесть, специально чтобы поговорить с тобой.

– Ты всегда задерживаешься.

– Сегодня не задержусь.

я вглядывалась в его губы, которые не собирались меня целовать, а он смотрел на меня так, словно я опять лгу, словно я перестала быть той Аннабеллой, какую он любил.

Габриэль ждал меня, не зная, что у меня умер отец. Ждал в другой стороне от площади Сен-Жан.

Я сделала круг, пройдя по проспекту Адольф-Макс, набережной Фюльширон и улице Дуайенне, лишь бы не идти к себе – туда, где меня ждал он, Габриэль, с копной вьющихся волос, одевающийся как подросток, всегда в расстегнутой рубашке, накинутой поверх футболки, в одних и тех же джинсах с понедельника по пятницу, – туда, где меня ждал с непроницаемым лицом принявший решение Габриэль.

Возвращаться домой мне не хотелось. Вернуться означало раз и навсегда принять, что мой отец умер и что вместе с сегодняшним днем, который погаснет, когда я натяну на себя одеяло, закончится и жизнь отца.

Габриэль ждал меня на другой стороне улицы и больше мне не улыбался. Я подошла к нему, протягивая руки.

– Я только из библиотеки. Пройдемся немного?

Ожидавший меня у дома Габриэль знал, что мой отец мертв, но для Габриэля он умер не сейчас, а гораздо раньше: я ему сказала, что похоронила отца четыре года назад, – два года лжи и любви. Габриэль отталкивает мои руки.

Я кладу их ему на бедра, но он их сбрасывает – и тьма ложится на мое лицо, тьма, которая вскоре накроет меня всю.

– У тебя есть мобильный телефон: если опаздываешь, можно отправить сообщение. Это совсем не трудно. Ты над всеми издеваешься. Точно, я сейчас это понял. Тебе нет дела

до других. Ты думаешь только о себе. Анна, нам надо прекратить встречаться. Прямо здесь и сейчас. У меня больше нет сил, я больше не могу.

– Мне нет дела до тебя, потому что я опоздала? Ты бросаешь меня, потому что я опоздала?

Я пытаюсь удержать его обеими руками:

– Подожди, присядем на пару минут. Подожди, давай поговорим. Пожалуйста, умоляю тебя, подожди две минуты.

– Я бросаю тебя, потому что не понимаю, кто ты на самом деле.

– И могу я узнать, в чем ты меня упрекаешь?

– В чем я тебя упрекаю? Серьезно? Ты хочешь знать, в чем я тебя упрекаю? Разве мы об этом не говорили? О твоей забывчивости, незрелости? Ты серьезно хочешь, чтобы я повторил тебе это в сотый раз? Кстати, у тебя в почтовом ящике лежало напоминание о необходимости заплатить за электроэнергию. Надо забирать почту. Ты планировала мне об этом сказать или собиралась ждать до тех пор, пока не запахнет жареным настолько, что я сам приду и все оплачу? Я пытался тебе помочь, но думаю, это выше моих возможностей. У меня больше нет сил.

– У тебя больше нет сил.

– Да, больше нет сил.

– У тебя больше нет сил на меня.

– Именно так, и это печально, ведь я сейчас ухожу от женщины, которую люблю.

- Ты уходишь от меня несмотря на то, что любишь.
- Мне надо идти.
- Да, уходи.

Как мне было ему сказать?

что мой отец умер, теперь по-настоящему, и что в тот момент, когда я положила ему на бедра руки, которые он оттолкнул, это была правда, в кои-то веки раз, впрочем, могла ли смерть моего отца изменить его решение,

ведь он уходит от меня,

потому что я лгу,

потому что всегда опаздываю,

потому что мне нет дела до других.

Он ушел в сторону проспекта Адольф-Макс, а я осталась стоять, свесив руки вдоль тела.

Я поднялась по лестнице и закрыла выходящие во двор окна – обычно их не трогали, если только не собирался дождь или не выдавалась холодной ночь, – закрыла тяжелые окна с ржавыми ручками, одно за другим, на всех лестничных площадках.

Маленький оранжевый дом, в котором я жила, стоял напротив ночного клуба «Тата Мона», работающего до утра.

Я часто в нем танцевала.

Это было раньше, до важного года с аттестационными экзаменами, которые мы ждали с начала обучения в универси-

тете, ждали всегда, – в этом году нужно было браться за ум: ходить в библиотеку, не пропускать занятия, вести размеренную жизнь, развешивая дома по стенам и даже над кроватью стикеры с заметками.

Я поднялась по лестнице, понимая, что упустила все – внутреннее спокойствие, но в первую очередь любовь, – толкнула дверь своей квартиры-студии, взяла глубокую тарелку, оставленную утром на столе, моя жизнь кончилась – и эту тарелку больше никогда ничем не наполню я прежняя, которая без умолку, несколько надменно сдувая в сторону мешающую прядь волос, говорила о планах на будущее, находясь в полной уверенности, что Габриэль будет любить меня всегда

и что мы заведем детей,
когда я стану преподавателем.

Я швырнула тарелку с остатками скисшего молока в раковину и уловила из коридора звук

шагов,

а ведь я не слышала ничего ни когда брела по улице, ни потом, поднимаясь по лестнице и открывая дверь.

Девушка на лестничной площадке вздрогнула и улыбнулась, но улыбнулась обеспокоенно, почти с тревогой – она

увидела мои пылающие щеки и красные глаза, которые я больше не прятала.

– У меня умер отец.

Эта фраза вырвалась сама, зачем-то я сказала ее совершенно незнакомой девушке,

– У меня умер отец.

может, из-за ее непонимающего взгляда: я склонила голову ей на плечо, хотя никогда раньше ее не встречала, никогда не разговаривала с ней, она обычная соседка – из тех, кого иногда заметишь по дороге к метро или увидишь на пробежке, неизменно в наушниках, – а теперь я обнимаю ее за шею.

– У меня умер отец. Это странно, но я думаю, что и сама хочу умереть.

– Может, вам надо присесть?

Чтобы открыть дверь, ей пришлось поднять мою голову, но руки, которыми я продолжала цепляться за нее, она не оттолкнула, возможно, не осмелилась.

– Присядете? Сделать вам чаю? Или хотите воды, хотите чего-нибудь? Хотите чаю?

Смущенно повторяя эти слова, она пыталась поймать мой взгляд, который я не отрывала от пола.

– Сядьте, пожалуйста, садитесь сюда.

Она поставила сумку на кухне рядом со столом, куда подвела мое тело,

– Посидите минутку.

которое обрушилось на стул.

– Мне, наверное, надо идти спать.

– Что вы, останьтесь, останьтесь ненадолго. Останьтесь на этот вечер.

– Не могу. Мне нужно на поезд, я должна ехать, должна обзвонить друзей, попросить их, должна занять денег, должна купить билет – мне столько всего надо сделать...

– Сколько вы хотите занять? Куда вам надо ехать?

Она присела на корточки, чтобы посмотреть мне в лицо и поймать мой взгляд.

– Мне нужно ехать, простите, я не хочу надоедать вам своими проблемами, я должна ехать.

– Вы не надоедаете мне, вы никому не надоедаете. Какой нужен поезд, куда вам ехать? Я могу помочь? Сидите-сидите! Меня зовут Орели.

Я посмотрела на протянутую мне руку.

– Анна.

Стены ее квартиры-студии были белее моих, яркие, после ремонта, увешанные фотографиями с каникул, из путешествий в кругу друзей, с возлюбленным, семьей. У меня дома не найти ни одного снимка Габриэля или отца: на посеребривших обшарпанных стенах много фотографий – и на всех них я одна.

Она открыла шкафчики, порылась в горах тарелок, – ее кухонный гарнитур цветовой гаммой перекликался с ма-

ленькой гостиной в серо-черных тонах, – достала чашки, чай, сахар, тарелку,

– Куда вам надо ехать?

на нее она положила пирог, в чашки со свисающими из них ниточками от пакетиков травяного чая налила кипяток; надо же – пирог,

– В Руайан.

– Хотите кусочек?

будто еда помешает рухнуть всему, отменит смерть отца.

– Не знаю, не знаю почему, я не должна была... Я представляла себе это, так часто желала, много, очень много раз, я хотела всем сердцем, желала, чтобы мой отец умер.

2

Уехать от него я мечтала с детства. Решение об этом я приняла в восьмилетнем возрасте, апрельским днем 1998 года.

Стоял сухой сезон. Мы тогда жили в Конго-Браззавиле, в лесной чащобе, куда не проникал свет.

Когда меня спрашивали, в деревне ли я живу, я отвечала, что в лесу. Вокруг нашего дома, где я родилась, был сплошной лес, сапелевый⁶ лес у реки, на берегах которой полно змей. Их я не боюсь, я одна из них.

Говорят, река Конго – это огромный питон, превратившийся в водный поток. Об этом мне рассказал местный пигмей Дьедье. Он уверял, что здешних змей бояться не надо: они нападают, только когда защищаются или добывают себе пищу, а я уже слишком большая для этих маленьких созданий, ползающих по земле.

Дьедье подошел, когда я стояла перед домом и вычерчивала палкой на земле маршрут, по которому мне предстоит идти.

⁶ Сапеле – вид гигантских деревьев, произрастающих в Западной, Центральной и Восточной Африке, может достигать 60 м в высоту и 2 м в ширину, относится к ценным породам. Из красной древесины сапеле изготавливают мебель, музыкальные инструменты, элементы дорогой отделки интерьеров яхт.

В нашу следующую поездку за покупками в Моссенджо я собиралась взять рюкзак, в который заранее положу еду, одежду и паспорт – я стащила его из комода в отцовской комнате. Отец как ни в чем не бывало сядет за руль, я – в пассажирское кресло, и мы поедем в город, остановимся в отеле, и когда он хорошенько напьется у барной стойки и подцепит очередную шлюшку, я возьму рюкзак и под покровом ночи убегу – все продумано.

Убегу и сначала буду несколько дней прятаться, пока меня не перестанут искать, потом сяду в автобус, в поезд до города Пуэнт-Нуар, где живет моя тетьа Марта, первое время буду работать в баре и продавать арахис у дороги.

Все было продумано: я притворюсь, будто захотела спать и иду ложиться в постель, а когда отца свалит сон, улизну, с рюкзаком за спиной выскочу потихоньку из бара, по берегу доберусь до моста, выйду на грунтовую дорогу, ведущую в городские трущобы, куда белые не ходят, у меня с собой будет рюкзак, паспорт в кармане, несколько су, накопленных на автобус, и я стану прятаться.

На первые несколько дней мне хватит еды, припасенной в рюкзаке, от дождя я буду защищаться плащом, от комаров – объемной кофтой, и когда полицейские станут всех спрашивать,

– Куда пошла дочь этого белого человека?

им ответят,

– Не знаем, никто ее не видел.

и это будет правда, ведь мой побег пройдет идеально.

Подготовка шла целый месяц: я подкараулила, когда домработница выйдет в коридор, оставив открытой дверь в комнату отца, которая вечно заперта, шмыгнула туда, запустила руки в комод, стараясь почти ничего не трогать, а все, что вытаскивала посмотреть: сберегательную и чековую книжки, семейную книгу⁷, наши паспорта, – складывала обратно строго на место: касающиеся меня документы возьму в последний момент, за несколько дней до побега, а теперь надо все разложить по размерам и цветам, как было у него, – я предусмотрела всё.

В течение месяца я таскала из кухни печенье, майонез, шоколад, паштет – все, что можно было незаметно припрятывать раз в неделю, – и моя вера в успех собственных планов укреплялась.

Я прокралась в комнату отца за два дня до осуществления задуманного. Пока Розалина, наша домработница, разбирала белье, я засунула украденный документ в гору чистых полотенец, лежащих на столе, на самом виду, – подумала, что никто никогда не станет в них рыться.

У меня были наготове гора чистых полотенец на столе, не вызывающая никаких подозрений, и рюкзак, спрятанный во дворе, чтобы забрать в последний момент, в котором лежала

⁷ Документ, который выдается при заключении брака во Франции, далее в него вносится информация, касающаяся членов семьи: о рождении, смерти, разводе, изменении имени или фамилии и т. д.

провизия минимум на неделю, кофты и три пары брюк.

Дядье говорил, а я толком не слушала. Он рассказывал истории о сухопутных змеях, от которых надо держаться по-дальше, например, от таких, как огромные питоны, ведь они заглатывали собак и детей, иногда ломали жертве позвоночник, а потом бросали, сообразив, что не смогут такое со-жрать.

– Если когда-нибудь заметишь питона, советую тебе сразу драпать.

В тот день отец вернулся с работы спокойным, уставшим. Он оставил у входа испачканные в машинном масле и дизельном топливе ботинки, чем всех удивил, прошел в гостиную и развалился на диване. Повар Макани, домработница Розалина и садовник Ги по очереди приносили ему то кофе, то сигареты, то бутылку воды, ставили перед ним пепельницу, бутылку виски, за что едва достаивались благодарности, и вдруг он сказал,

– Позовите ко мне Анну.

я предстала перед ним, точно перед судом,

– Аннабелла, тебе чего-то не хватает здесь?

– Нет, мне всего хватает.

тогда он обернулся, будто выискивая свидетелей, и тот же вопрос, на который я, похоже, ответила недостаточно полно, задал остальным,

– Ей чего-то не хватает здесь, как по-вашему?

и те хором ответили,

– Ей всего хватает, хозяин.

когда его ладонь хлестанула по моей щеке.

– Отдай мне паспорт.

И это вспыхнуло вот так между нами,

– Ты не имеешь права так делать, папа, не имеешь права!

между нами, а еще между мной и Розалиной, которая потащила меня за руку, крича те же слова, что совсем недавно произнес он,

«Ты не выйдешь отсюда, мадемуазель Аннабелла, пока тебе не позволит папа; подумай хорошенько о своем поступке»

захлопнула дверь моей комнаты, как только что захлопнул дверь гостиной отец.

3

На сайте попутчиков Орели нашла свободное место в машине с выездом через день. После свалившейся на меня новости о смерти отца я улеглась спать на диване, прежде составив список документов – семейная книга, паспорт, свидетельство о рождении, – вещей и того, что надо не забыть сделать,

- *написать в деканат*
- *продолжить готовиться к экзаменам?*
- *Августин, Сенека, Платон*
- *ноутбук, телефон, зарядки к ним*
- *3 пары брюк, 4 футболки, трусы, носки*

и теперь ждала машину в условленном месте у вокзала, ждала со своими попутчиками и их рюкзаками, сначала я держала сумку на плече, потом спустила на землю.

Тут появилась пассажирка в джинсовой куртке и облегających брюках, стала задавать кучу вопросов. Мне стоило, мне очень хотелось ей сказать, чтобы она заткнулась ко всем чертям, оставила меня в покое, но я сквозь натянутую улыбку и слезы отвечала на ее задор, столь же невыносимый, как кураж летних уличных трубачей в пестрых рубашках, которые прыгали в фонтан прямо в одежде. Они, дуя в свои трубы и саксофоны, преграждали всем путь на подходе к площади Корделье, наводненной пивными пузанами, и напоминали о

праздниках, где среди тьмы народа чувствуешь себя одиноким. Она говорила, а я отвечала – безучастно, словно пробираясь сквозь эту толпу:

– Меня зовут Аннабелла. Да, я еду в Руайан. Да, живу в Лионе. Да, в квартале Сен-Жан. Классный город, да. Куда-куда ты ходила? Да, я знаю клуб «Тата Мона».

Машина подъехала, сумки уложили в багажник, свою я взяла в салон, поставила себе под ноги. Водитель включил радио и предложил всем перезнакомиться. Кроме нас, была еще одна девушка и молчаливый парень. Болтушка жила в Барселоне, куда переехала какое-то время назад:

– Квартирка клевая и недорогая к тому же.

Она добавила, что работает рядом с морем и каждое утро пьет кофе, любуясь восходом солнца.

– А ты, Анна, чем занимаешься?

– Я была студенткой.

Я сказала «была», словно моя жизнь заканчивалась у меня под ногами, у этой сумки, с которой я не расставалась с утра, и слова «была студенткой» означали «я умерла». Прислонив голову к дверце машины, я смотрела, как за окном бежали поля, несся асфальт. Барселонка не умолкала, более того, постоянно что-то выкрикивала, суетилась, и другие пассажиры вместе с ней, из-за чего в салоне автомобиля будто гулял ветер, даром что окна были закрыты, и так вплоть до придорожной зоны отдыха, которая вызволила меня из всего этого.

Я сделала круг по парковке у автозаправки, не отрывая взгляда от своей сумки, я сделала круг по парковке у автозаправки, не отрывая взгляда от своих рук, прошла между стеллажами в магазинчике, по тротуару, потом вернулась ко всем, к машине. Барселонка по-прежнему болтала без умолку:

– Глотнешь кофейку? Чего-нибудь другого? Ну хоть немного? Может, бутылочку воды возьмешь? Тебе не хочется пить? Мы уже три часа в пути.

Говорунья трещала все громче, надувая пузыри из жвачки. Она была из тех девиц, которым с детства внушают, в первую очередь матери, что их неумение вести себя тихо, сдерживаться, концентрироваться на простейших задачах, таких как, например, молча выпить кофе на заправке, что их природная склонность к болтовне – неопровержимое доказательство темпераментности. Этой пустоголовой идиотке стоило научиться молчать, вместо того чтобы выставлять напоказ свою глупость.

Меня донельзя раздражали ее туфли, куртка, резинка для волос. Впрочем, сама я одета была не лучше.

Утром я натянула на себя первое попавшееся под руку, лишь бы не замерзнуть. Было третье мая. Вот уже четыре дня, как умер мой отец и как стоял зимний холод среди весны. Четыре дня. Платье поверх укороченных джинсов, несуразный джемпер, высокие носки от разных пар, да еще и дырявые. Четыре дня, два из них я ни о чем не знала, а дру-

гие два провела в наглухо закрытой квартире, не давая свету проникнуть в нее. Джинсы, черный джемпер и зеленое платье под ним.

Мы доехали до зоны отдыха на трассе и облачного с просветами неба, до парковки, где повсюду толпились семьи, взрослые кричали детям то слезть с качелей, то перестать шаркать ногами. Четыре дня, и два из них – в бесконечных нелепых молитвах, как будто Господь действительно мог меня услышать.

После долгого пути мы прибыли на привокзальную парковку Руайана, высадились из машины, и каждый пошел своей дорогой. Я поставила сумку на тротуар и увидела, как из пятичасового поезда вываливают пассажиры, то и дело набрасываясь с поцелуями на друзей и родителей, хлопая дверцами автомобилей, – всюду мужчины, девочки, женщины, чемоданы, которые они катят по асфальту, и этот звук, похожий на шорох гальки, —

я по-прежнему стояла на тротуаре с сумкой у ног в ожидании тети, которая должна была вот-вот приехать, – и все вокруг исчезли

один за другим:

мужчины и их чемоданы, девушки, обнимавшиеся с матерями, – исчезли все, уехал и поезд, захлопнув двери.

И вот появилась моя тетька, миниатюрная брюнетка в «Ре-

но Клио 2» – мы очень давно не виделись, но она не изменилась. После развода она всегда ездила на одной и той же серой машине, носила одни и те же балетки и стриглась под каре. Она открыла дверцу крепкой жилистой рукой, рукой бегуни. Я села в машину, бросила сумку на заднее сиденье, избегая взгляда тети. Избегая взгляда зеленых, как у моего отца, глаз, я уставилась на вывеску букмекерской компании – не хотела видеть улыбку тети, слышать ее голос,

– Аннабелла...

она поцеловала меня в щеку и вырулила на площадь с круговым движением; мы куда-то свернули, проехали по промышленной зоне и по лесной дороге, ведущей в Брейе, где жил Джорджио, старший из ее братьев, добрались до места и вышли из машины.

Стол, стаканы. Мне предложили воды. Я взглянула на дядю Джорджио, но он на меня не смотрел, его жена Селеста поинтересовалась, как моя учеба, и я, усмехнувшись, ответила:

– С учебой покончено.

Джорджио, старший брат отца, пожилой, сгорбленный, налил мне воды, так и не взглянув на меня, он заполнял паузы в беседе, но об умершем брате говорить не хотел. Я не знала, всегда ли он так держал спину, скривила ли его работа каменщиком, или он сутулился сам, желая начисто стереться, исчезнуть.

За столом повисла тишина, нам с тетей Альдой нечего здесь было делать: мы заехали соблюсти формальность, из вежливости, а Джорджио угощал нас лишь водой, причем мне, дочери своего брата, налил ее, не говоря ни слова. Он не смотрит на меня, будто я совсем чужая за этим столом, хотя я так часто едала тут вместе с отцом, его братом, а иногда и одна, когда приезжала к нему на каникулы с конвертом денег, чтобы хватило на лето; и этот дядя Джорджио, который раньше принимал меня у себя, теперь подавал мне воду как нищенке без роду и племени.

Я взяла стоявшую у меня в ногах сумку и сказала тете, что мы уезжаем, перекинула ремень сумки через плечо и захлопнула дверцу машины. Тетя Альда тронулась со второй передачи – и двигатель заглох.

По равнине шла прямая дорога: я никогда не думала, что через Брейе так долго ехать. Потом начались затяжные повороты, чью длительность в секундах я отсчитывала на пальцах и делала это не таясь – в моем платье некуда было спрятать руки.

Прибыли мы уже вечером.

Дядя Антони, младший брат моего отца, дожидался у ворот, перед припаркованными на гравийной площадке машинами: на одной ездил он, на другой – его жена Клеманс, ко-

торая подошла меня обнять.

Я все еще держала в руках сумку.

Ставь ее сюда, Анна.

И Клеманс унесла мои вещи в спальню.

На столе появились бокалы, дядя Антони расхаживал взад-вперед по кухне:

– Сколько конкретно денег у тебя сейчас есть?

– Сколько конкретно?

– Да, сколько?

– У меня вообще их нет.

Он потер виски, тетя Альда и Клеманс опустили глаза.

– Твой отец умер. На репатриацию его тела с нас требуют десятки тысяч евро.

– У меня нет таких денег.

– Ни у кого нет, Анна.

– У него разве не было страховки?

– Мы не знаем, никто не знает.

– Но как он умер, где он умер и почему мне ничего не говорят? От чего умер папа?

Антони вышел из кухни.

Вечером мы поделили обязанности. Тетя Альда должна была позвонить коллеге моего отца и записать нужные контакты себе в блокнот, договориться о встрече с сотрудником похоронного агентства и запросить прейскурант. А мне нужно было связаться с посольством и Министерством ино-

странных дел, чтобы найти способ репатриировать тело отца.

Все утро я выискивала телефонные номера, в первую очередь посольства Франции в Дуале, ведь там знали, где хранится тело. Я дождалась, пока Клеманс и Антони уедут, и только тогда набрала номер.

– Я звоню по поводу смерти моего отца. Он скончался в понедельник 29 апреля. Мне сказали связаться с вами. Меня зовут Аннабелла Морелли.

– Мадемуазель Морелли, соединяю вас с моей коллегой, которая ведет это дело.

– Мадемуазель Морелли... Мадемуазель?

Я повторила, слова выходили из меня и складывались в фразы, звучащие противоестественно:

– Мой отец скончался в этот понедельник, 29 апреля. Мне сказали связаться с вами. Меня зовут Аннабелла Морелли.

– Да, ваше дело веду я. Мы стали им заниматься без малейшего промедления.

Между своими фразами она выдерживала паузы.

– Учитывая ситуацию, советую сразу обратиться к адвокату. Я дам вам координаты адвоката, прикрепленного к консульству.

– Прошу прощения, но мне нечем их записать. Не могу найти ручку, мне нечем записать, простите. Похоже, здесь нет ни одной ручки. Безумие какое-то. Да где же ручки?

– Не торопитесь.

– Простите. Подождите, кажется, я нашла карандаш.

– Итак, это мэтр Патрик Вельбом.

Записав в блокнот номер телефона, я повесила трубку и пошла к деревянному домику – мне захотелось постоять на траве, которая росла рядом с ним.

С самого приезда я все никак не могла помыться. Теперь же дотащила свое тело до ванны, погрузилась в воду, свесив руки с бортиков, и в этой воде исчезли целых два часа, в воде, которая все укутывала тишиной, пока в дверь не постучал дядя Антони.

– Анна, все в порядке?

– Да. Я выхожу!

Уже был полдень.

Антони вернулся с работы в решимости рассказать мне наконец о произошедшем, о том, что знал сам, но после его объяснений ситуация понятнее не стала.

– Мы узнали это от сотрудников посольства Франции, а им сообщила его сожительница.

– Сожительница?

– Да, Анна, его подруга. Обстоятельства не ясны. Судя по всему, он умер в Эзеке, но не в самом городе, а рядом, на лесосеке. Он там ремонтировал технику. Одну машину компании SISCO BOIS, которая занимается заготовкой древесины. Проблема в том, что представители этого предприятия не являются в посольство, чтобы оформить необходимые документы.

– Почему?

– Это может им вылиться в кругленькую сумму. А сами они – выродки. Думают только о бабле, а не о последствиях своих действий, не о том, что порой случается с людьми. Они преступники – других слов у меня для них нет. Преступники, сволочи, подонки. Они не собираются оплачивать репатриацию твоего отца.

И он вышел, хлопнув дверью, оставив меня на кухне в состоянии полного ошеломления. Еще какое-то время я продолжала сидеть на стуле, пытаюсь понять, что со мной происходит.

Я смотрела на стенные часы, дожидаясь подходящего момента, чтобы набрать номер посольства, чтобы связаться с Министерством иностранных дел, и тут раздался телефонный звонок.

– Мадемуазель Морелли?

– Кто это?

– Мэтр Вельбом, адвокат, прикрепленный к посольству Франции, мне передали ваш номер. Я звоню по поводу вашего папы. Полагаю, вы уже в курсе дела. Буду откровенен. Все очень запутано. О смерти сообщила в воскресенье местная подруга вашего отца, мадам Сильви Мбамбе. Консул предложил мне представлять ваши интересы, если вы того пожелаете.

– Какие интересы? И зачем мне нужна защита?

– Возможно, вам придется подать иск для возбуждения уголовного дела.

Он сказал, какие документы надо собрать, сказал о необходимости найти данные о страховании и трудовой договор – последний запросить у некой сожительницы отца, у Сильви, о которой я знать не знала, у Сильви – неизвестной мне женщины, от которой зависели моя жизнь и репатриация тела папы; он долго говорил, перегружая мои уши советами, подробностями, нюансами всех процедур:

– Сходите в банк, чтобы найти подтверждение его страховки – личной или корпоративной, от предприятия, – надо найти следы денежных переводов, любое доказательство того, что он когда-либо работал на них, это очень важно.

Все залы ожидания похожи друг на друга, как я теперь знаю: два стула у стены около каждого кабинета, дверь которого открыта, – так ожидание кажется менее тягостным. Молодые люди в рубашках, заправленных в костюмные брюки, сновали по коридору, приветствуя семейные пары и стариков с пакетами документов на ипотеку, автокредит или на завещание по банковскому счету.

Я сидела в коридоре с клочком бумаги в руках, на котором было записано, какую информацию мне нужно найти, и ждала, когда меня примет сотрудница банка.

Наконец она подошла, подошла на высоких каблуках и, освободившись от папок и сделанных с утра распечаток, протянула мне руку,

– Мадемуазель...

дежурно улыбнулась, мне пришлось улыбнуться в ответ, ведь скорбь – не достаточное основание для того, чтобы пренебрегать вежливостью; улыбаясь, она говорила абсурдные, неуместные, мудреные слова, которые мне стоило запомнить,

– Я детализирую активы вашего отца, затем все заблокируют до тех пор, пока наследство не будет оформлено у нотариуса.

ее фразы хлестали, как пощечины, со всеми этими условиями, оговорками, сроками, которые придется выждать: три недели на проверку информации о страховании жизни, месяц на ревизию счета ценных бумаг и более трех месяцев надо заложить на оформление наследства, – и ничего она не говорила о том, что бы мне помогло.

– А есть ли какие-то сведения о денежных переводах?

– Последний зафиксирован тринадцать месяцев назад, и это был перевод с его собственного счета.

– Как это?

– Здесь значится счет господина Джованни Морелли в центральноафриканском отделении банка БАА.

– Но туда деньги откуда-то же поступили?

– Это надо узнавать непосредственно на месте.

– А не указан ли там номер страховки, трудового договора?

– Нет.

– Может, его страховка или кредитка где-то засветились?

– Нет.

– Ну хоть какой-нибудь след?

– В рамках своей компетенции я больше ничего не могу сделать.

Махнув рукой вместо прощания, я открыла дверь, покинула кабинет, прошла по коридору и села в машину к Альде, которая все это время меня ждала. Мы поехали через порт, вдоль моря, нескончаемого песчаного берега и пляжей с зонтиками, рука Альды опустилась мне на плечо – и я прошептала:

– Ничего, абсолютно ничего. Больше года назад он будто исчез, будто не существовал вовсе.

4

Как-то раз он уже пропадал, на несколько месяцев оставлял без вестей о себе семью: мать, братьев и сестру. Тогда он углубился в лес, прошел от остановленного завода до опустевшего рабочего лагеря, и рядом с ним молча брела я.

В октябре 1998 года, когда мне только исполнилось девять, разгорелась гражданская война, которая до тех пор лишь тлела, ограничиваясь несколькими городами, и нам пришлось оставить Конго. Мы жили далеко от Пуэнт-Нуара и Браззавиля, поэтому не успели к эвакуации на родину, организованной французским посольством и Министерством иностранных дел. В результате мы выехали из страны, убегая от грабежей и нехватки продовольствия, только через несколько месяцев после того, как ее покинули последние иностранцы. С чемоданами и коробками, груженными посудой и одеждой, с моей собакой на коленях, мы уезжали в сезон дождей, когда лившаяся сверху вода размывала дорогу, уезжали на машине окольными путями, через деревни. Мы приехали на границу с Габоном и пересекли ее, чтобы добраться до города под названием Мунана, где, как говорил отец, очень хорошие друзья подыскали ему работу. Других, таких же, как мы, беженцев пришлось оставить в пыли, поднятой колесами нашего внедорожника, за сторожевыми будками и контрольно-пропускными пунктами. *«Французский*

паспорт, французский паспорт, разрешение на въезд». Мы пересекли границу, и вести об аэропорте, окруженном войсками, остались позади. Мы отъехали от границы и спаслись от опасности, которую представляла собой ангольская армия на территории Конго. Отец не стал мне говорить, что мы бежали от смерти, но последние недели перед отъездом я видела по его глазам, насколько сильно он спешил уехать. Я уяснила, как важно по вечерам выходить из дома с осторожностью, передвигаться след в след, избегая деревень с наступлением темноты.

Размытые дождем дороги сменились в Габоне асфальтированными. Если Конго – это первозданная необузданность и леса высотой до небес, то Габон являл нам природу, укрощенную человеком.

До Мунаны мы доехали без всяких затруднений или волнений. Сельскохозяйственные угодья в сезон дождей были залиты водой. Пейзаж всю дорогу был один и тот же, зато ни разу за день мы не услышали ни автоматных очередей, ни взрывающихся снарядов.

Город Мунана, куда мы приехали, славился добычей марганца, но мой отец собирался работать в итальянской компании, специализирующейся на заготовке древесины. Предприятие небольшое, что есть, то есть, но там неплохо платили и обеспечивали сотрудников жильем. Отцу предстояло трудиться механиком, ремонтировать лесозаготовительную технику. В его обязанностях было выезжать на лесосеки,

контролировать состояние оборудования, заказывать запчасти, вытаскивать застрявшие в зарослях грузовики и экскаваторы – все то, чем он занимался всегда. Я же, оставаясь в компании собаки, пыталась завести друзей.

Года через два после нашего приезда, в 2001-м, когда мне исполнилось одиннадцать, марганцеворудное предприятие стало снижать объемы добычи, что не могло не сказаться на городе и, как следствие, на нас.

В июне 2001 года предприятие прекратило работать. Последние экспатрианты уехали.

Я каталась по кругу на велосипеде без седла во дворе перед домом, некогда белым, а теперь ставшим красным от местной пыли, перед домом с отключенным телефоном, валяющимся без шнура в углу.

Мы жили на холме над деревушкой, быстро разросшейся в красивый бело-зеленый город: добыча марганца и древесины привлекала сюда жителей из окрестных мест.

Мы жили на холме, возвышающемся над городом, вдали от лагеря, в котором квартировались рабочие и учителя, над наскоро построенной школой, теннисным клубом и бассейном, над вертолетной площадкой, откуда увозили заболевших, если им требовалась срочная помощь.

Все происходило постепенно:

исчезали заведения, люди, —
а мы оставались в нашем замкнутом мире.

Последнее оборудование на предприятии было уже отключено, а роскошная жизнь продолжалась: в баре у теннисных кортов подавали коктейли, я носила безупречные наряды, перед домами стригли газоны, водитель внедорожника отвозил меня то к одному дому, то к другому,

– Я еду к Микаэле, папа.

– Папа, я к Развану.

– Ой, пап, я к Армандо, к тому, что живет по соседству, ну, ты знаешь.

пока из всех, с кем можно было поиграть, не остался лишь Бертран, который жил внизу, в рабочем городке. А я и не заметила, как все это произошло.

Однажды мать Микаэлы посетовала, что в магазине больше не найти кошачий корм, сама Микаэла ругалась на состояние бассейна в клубе: его нынче не чистили, и он стал настолько грязным, что у нее появились бородавки и грибок,

– Нет, ты представляешь себе, Аннабелла? Они несколько недель не сливали воду, несколько недель туда не приходит садовник. И чего они добиваются?

а отец Микаэлы жаловался на школу, на заводские забастовки, на рабочих, которые теперь отказывались спускаться

в шахту, на неопределенность.

– Произошла очередная авария. И они прекратили работу. Уже в четвертый раз. Насколько – неизвестно. Я не уверен, что все не остановится окончательно. К тому же смотри, немца так и не заменили. И кто теперь будет заниматься амбулаторией? Разве это серьезно? Мы все-таки на международную компанию работаем, на французское предприятие! Медбрата из соседнего села – вот кого нам присылают. В рабочем городке не осталось ни единого квалифицированного врача.

Я стояла на пороге с пирогом в руках, когда семья Микаэлы вздумала уехать,

– Ситуация стала невыносимой, а вы что намерены делать?

ее родители говорили со мной так, будто я могла что-то решать, будто я что-то знала о тех, кто сбегал, уезжал с горой сундуков, бросая свои жилища, о тех, кто навсегда выходил из дверей своих домов, отталкивая меня плечом. Так все вокруг испарились.

Оставил это место и мой отец, но сначала исчезли многие автомобили – машин у входа в клуб становилось все меньше – и опустела школа, лишившаяся своих учеников, огромных праздников, скопления женщин и детей, отплясывающих в платьях и льняных брюках на танцах, которые устраивались по вечерам, а еще там организовывали великолепный

буфет, и мы крутились рядом с ним.

– Дети, подходите, угощайтесь!

На Микаэлу с ее немецким именем и манерой держаться наподобие роковой женщины, вечно чем-то недовольной, засматривался Разван – худющий голубоглазый блондинчик с очень светлой кожей, которая краснела на солнце, – мы думали, что он недавно приехал из Косова; этот Разван смотрел на Микаэлу с благоговением, протягивал ей бокалы воды и бутерброды

– Хочешь тост с лососем?

прямо перед моим носом,

– Мне хотелось бы один, если... если она не хочет.

мой отец сидел с их родителями, держал за руку какую-то девчонку чуть старше меня, подобранную в деревне пигалицу, и кричал мне

– Анна, не испачкайся, пожалуйста!

при Разване, который на меня не смотрел.

Это было задолго до всеобщего отъезда и до того, как убежали мы сами: Разван пытался услужить Микаэле, а Микаэла откидывала волосы, попадая ими по его лицу, и жестко отвечала,

– Да не голодна я, отстань уже со своими тостами с паштетом.

– Это не паштет, а лосось!

и каштановые пряди ее волос вновь взлетали, переливаясь

в великолепии света: большой зал, не обращающая внимания на тарелки Микаэла, незаметные официанты, с отсутствующим видом кружившие вокруг нас.

Разван завел ногу под стол и под юбку Микаэлы, впиваясь голубым взором в черноту ее глаз, но Микаэла подскочила и крепко саданула Развана по голениям,

– Ай, да она чокнутая!

тогда он положил свою руку на мою, желая оторвать меня от стула,

– Идем-ка, ты умеешь танцевать?

от стула, который едва оправился от шока, чуть не упав, и под взглядом моей черноглазой соперницы Разван увлек меня, рыгая мне под нос, рыгая мне в ухо игристым, переполнявшим его желудок,

– Я т-тебя не видел, ты такая миниатюрная.

Разван подхватил меня – и мои ноги оказались в десяти сантиметрах от пола,

– З-знаешь, я к-кое-что тебе скажу.

подхватил мое крошечное тело в не менее крошечном платье, которое собралось в подмышках,

– Что?

– Придвинься, скажу тебе на ушко.

он чмокал меня в шею, в щеку и даже в губы, посмеиваясь у всех на виду, не скрывая от меня усмешку,

– Иногда ты красивая, но только иногда, пото-му что чаще ты страшненькая; не скажу, что прямо уродка, но неухо-

женная.

щеки у меня багровеют – и над чистой половой плиткой все начинает плыть, словно принесенная снаружи пыль.

Микаэла уехала, Разван тоже, потухли белые неоновые лампы в актовом зале.

Она уехала, сняв садовые качели, забрав плетеные пуфы, на которых мы по очереди сидели, и деревянные табуреты; уехала, оставив дом пустым, а двери – открытыми, и теперь тут сновали крысы и змеи; все поросло травой, стены и шкафы потрескались от влажности, трава появилась даже в спальне – там, где раньше стояла кровать, лежали прикроватные коврики и висел саронг, купленный в соседнем городе, казалось, только вчера.

Мы ехали в открытом кузове, держась за металлическую дугу над кабиной пикапа, который подпрыгивал на дороге, превратившейся в этакий мост через реку, куда легко можно было выпасть, – так все вокруг размыли дожди.

– Давай же, быстрее, поднадави!

И Микаэла исчезла, нет больше ее лица, ее волос, ее смеха в кузове пикапа, нет шикарной амазонки Микаэлы, и нет прежнего мира, исчез возбужденный взгляд ее черных глаз, взгляд неистойвой Микаэлы.

Она выскочила из внедорожника, как кошка, одним прыжком, одним махом, ловко пружиня ногами,

– Аннабелла, шевели задницей, черт поberi!

и побежала по рынку, Микаэла забыла обо всем, а я спешила за ней между прилавков, специй, мешков с арахисом, откуда она угощалась, не заплатив, она забегала за двери, где ее по-дружески встречали продавщицы, Микаэла

– Тут есть один мавританец, на прошлой неделе он ездил в столицу и должен был кое-что мне привезти.

входила в магазинчики, как к себе домой:

– Ну как, привез?

– Да, мадемуазель Микаэла, твой саронг у меня.

Уехала семья Микаэлы, следом – Развана, поначалу они, как и мой отец, проявляли терпение, надеялись, что все уладится, ждали, когда прекратится забастовка, а потом ждать перестали, сложили тарелки в коробки, коробки – в сундуки, упаковали мебель и отправили ее грузовиком к судну-контейнеровозу; после отъезда семьи Развана мы с отцом остались одни в лесу, поднимавшемся вокруг домов, одни посреди заброшенного сада – здесь, куда больше не приходила домработница, здесь, где еды становилось все меньше и меньше, а вода в бассейне постепенно испарялась на солнце.

и пробилась сквозь асфальт трава,

сводя отца с ума алкоголем и одиночеством,

или дело было в пальмовом вине,

которое набирало крепость, когда оставалось на солнце,

и воздействовало на нервы, —
теперь он ходил с красными глазами

на этом холме больше не встречалось никого, не считая торговцев вином и бижутерией, которые бродили с флягами и сумками через плечо. И тут нам составила компанию, поселившись в конце улицы, семья Армандо – в ней было четверо сыновей, троих из которых было видно лишь изредка, они выпрашивали деньги у отца и тратили их на шлюх, которых иногда привозили из соседнего города Моанда или из более крупного Франсвиля – туда я однажды ездила на машине, когда в Мунане, где мы жили, больше не осталось ни мест, куда можно было сходить, ни видов, радующих глаз, не осталось и людей: семья из трех праздношатающих братьев и Армандо, который тщетно ждал их дома, Армандо – все еще школьник средних классов; Армандо, как и я, лишенный матери, и тоже метис; Армандо, стрелявший по птицам из рогатки; Армандо, который разговаривал только с животными. Его отец приехал демонтировать завод, разобрать по частям не работающие больше станки, отправить их грузовиками в Либревиль, а потом уехать самому. Армандо предпочитал гулять в лесу, где он не рисковал наткнуться на меня. Он вечно твердил,

– Ты меня утомляешь, Анна. Пойди куда-нибудь еще, поговори с кем-нибудь другим.

подталкивая меня к деревьям, чьи плоды – как меня предупреждали, и особенно настойчиво это делал мой отец – не надо есть, потому что почва здесь насыщена марганцем, отчего у местных рождаются безрукие дети.

Когда закончился демонтаж наиболее мощных станков, семья Армандо уехала, и остался только Бертран, такой же подросток, как и я, который ходил по холму и продавал хлеб.

– Не хочешь зайти ко мне в гости? – однажды спросила я.

– Сколько мы с тобой не разговаривали? – вместо ответа спросил он, не глядя на меня, семенившую за ним.

– У меня есть велосипед.

– И что ты хочешь, чтобы я сделал? Я работаю, Аннабелла, я не провожу время, играя в теннис у бассейна.

– В теннис у бассейна больше не играют. Вот уже три месяца, как теннисный клуб закрыт.

– Ага, и поэтому ты надо мной издеваешься.

– Кому ты тут собираешься что-то продать? Здесь никого нет, и я не издеваюсь, а приглашаю тебя.

– Я имею право сюда приходить только с товаром на продажу.

– Но садовника больше нет. Никто не может помешать тебе войти.

– Что ты хочешь?

– Чтобы ты пришел ко мне в гости.

– Нет.

– Да, приходи завтра.

– Я сказал «нет».

– Если не придешь, я скажу отцу, что ты приставал ко мне.

Бертран, за которым я все это время бежала, оглядел меня

с ног до головы, посмотрел на мои волосы:

– Считаешь, что тебя могут клеить?

– Но меня пытаются клеить, а ты как думаешь?

– Думаю, что нет. Старики не в счет.

– Завтра.

– Что завтра?

– Приходи завтра.

– Ты невыносима. Ладно, может, и приду.

И назавтра он был здесь, в красивой белой рубашке polo, привезенной из Либервиля во времена, когда завод еще работал и сотрудники туда ездили; не осмелившись войти в сандалиях, он их снял, прошел по коридорам, не задевая стен и без того грязных; и он, Бертран, был здесь, стоял скрестив руки на груди, и я потянула его за собой,

– У тебя такой же дом?

– Нет, меньше.

– А вас еще много в рабочем городке?

– Там никого больше не осталось, если не считать учителя и двух-трех семей, которые пока не нашли работу в других городах.

повлекла за собой по длинному коридору, забежала в

спальню, заперла дверь, скинула всю одежду, приблизилась к нему, умоляя поцеловать, но только грудь, совсем немного, ведь я знала, что он хорошо это делает.

– Кто тебе это сказал?

– Микаэла. Так ты не хочешь?

– Нет.

– Да ты боишься женщин, что ли?

Уехала семья Микаэлы, следом – Развана, не приходил больше и Бертран, сбежавший от моего нагого тела, которое я подставила его мужским рукам.

– Аннабелла, тебе и двенадцати еще нет.

– И что с того? Чего ты боишься? Говорю же тебе, я это уже делала.

Но Бертран сбежал.

Передо мной снова был пустой дом, взбирающаяся на деревья трава, мой отец, курсирующий туда-сюда перед журнальным столиком, мой отец, которого раздражало малейшее шарканье обуви,

– Анна, поднимай ноги!

мой отец,

его рубашка, некогда белая,

а теперь порыжевшая от воды из крана, ведь ее больше не фильтровали, от воды вперемешку с грязью.

Больше не было вечеринок, приемов – и мой отец сходил с ума: один среди пустых домов, один у требующего ремонта внедорожника без колес, один за столом перед включенным телевизором, который теперь ловил один-единственный телеканал.

В приступах ярости, какие провоцировало пальмовое вино и общение с продавцами змей, отец терял голову и таскал меня и всяких деревенских девчонок за руку по коридору.

И это вспыхнуло вновь.

Однажды вечером, когда мы чинно, как полагается, ужинали и отец передавал хлеб, Бетти спросила:

– Когда мы поедем за покупками во Франсвиль? У тебя же остались какие-нибудь деньги?

У Бетти, которая старше меня на три года, было хрупкое тело и осипший от попок с утра до вечера в его компании голос; тельце совсем маленькое – такое крошечное, что при желании я могла бы выволочь его во двор. Еще не женщина, но уже не ребенок, она была достаточно худенькой – важное качество, позволявшее ему везде таскать ее с собой, как собачонку.

Собачонка моего отца заговорила, когда он хотел покоя. Это существо заговорило, отчего отец шибанул кулаком по столу:

– Не знаю, ничего я не знаю, прекрати. Прекрати задавать мне дурацкие вопросы. Ты тупая, что ли? Ты видела, чтобы кто-нибудь от предприятия приходил сюда и приносил день-

ги? Видела, чтобы кто-нибудь приходил сюда и выдавал мне деньги? Видела, чтобы у меня были деньги?

И вспыхнуло яростное безумие моего отца, которое мне уже было знакомо и которое продлилось полгода нашего пребывания в Мунане.

Однажды я возвращалась из школы, где теперь нас училось лишь трое – дочь преподавателя, Бертран да я, – и, поднимаясь на холм в кузове пикапа, услышала повторяющиеся звуки.

Школа находилась в заброшенной местности, куда больше не ходили автобусы. У бывшего контрольного пункта я дождалась попутки, машины демонтирующих заводское оборудование работников, забралась в нее, и вскоре раздались те самые звуки.

Это были выстрелы. Приблизившись к ним, водитель высадил меня из машины, и дальше я отправилась пешком, окольным путем, чтобы обойти место стрельбы, и тут я увидела перед собой

пьяного отца: он палил по обвинившей дерево змее и говорил с ней,

– Выплюни его! Сейчас же, немедленно!

будто это человек, способный его понять; мой отец с красными глазами приказывал змее сию секунду выплюнуть нашего пса Бобби, которого она только что проглотила,

– Иначе я сам достану его из твоего брюха!

мой отец кричал на бедолагу-змею, неспособную его

услышать, и в бешенстве носился, отталкивая свою подругу Бетти. Мне было грустно потерять собаку, но страшно вновь увидеть это выражение лица.

Отец раскрыл питона вдоль и поперек, не один раз разрядив в него ружье, и все орал на рептилию, то садясь на табурет, то вскакивая с пальмовым вином в руке, и когда Бетти решила положить этому конец, я подумала, что теперь наступит ее очередь уворачиваться от пуль.

– Что тебе? Скажи, чего ты хочешь? Чего добиваешься?

– Прекрати. Я хочу, чтобы ты остановился. Пожалуйста, Джованни, прекрати сейчас же! – И она заплакала, упав на колени. – А еще я хочу, чтобы ты перестал пить. Ты пьешь с утра.

Бетти высказала моему отцу все: почему он не может удержать ни одну женщину, почему одинок, упомянула его алкоголизм, – чем довела его до белого каления. Отец ударил Бетти прикладом, и по ее лицу потекла кровь.

Я не шевелилась, думая, что они уgomонятся, что эта пьяная ругань сейчас прекратится, что меня это не касается и не надо ввязываться. Только я решила обойти их стороной, как отец взял табурет и обрушил его на спину Бетти. Тут я закричала, умоляя его остановиться.

Кто был мой отец, которого я теперь потеряла, и почему так часто желала ему смерти? Не имею об этом никакого представления, хотя, может, наоборот, я слишком хорошо

знаю все его облики.

5

В июле 2008 года, поступив в университет, я переехала в Старый Лион⁸, мгновенно очаровавший меня архитектурой: я была уверена, что проведу в нем свои лучшие годы, задержусь здесь, рядом с ночными клубами. Отец собирался отвезти меня на каникулы и теперь ждал внизу, с сигаретой в зубах, готовый отправиться в дорогу.

Он больше не был прежним. Мой отец, такой презентабельный, почти любезный, погладил меня по голове, взял сумку, закрыл за мной дверцу.

⁸ Старинный квартал в западной части Лиона, сохранившийся со Средневековья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.